

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2018.03.10

П. Чони

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: М. ГОРЬКИЙ И «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

***Аннотация.** Автор исследует статьи Максима Горького в газете «Новая жизнь» и анализирует его отношение к Октябрьской революции. Делается вывод о том, что позиция писателя по данному вопросу не входит в противоречие с подробностями его биографии, а напротив, является последовательным развитием его политической мысли.*

***Ключевые слова:** М. Горький, «Новая Жизнь», Октябрьская революция, Н. Суханов, Сталин, Ленин, «Несвоевременные мысли».*

Паола Чони – кандидат исторических наук,
директор Итальянского института культуры, Санкт-Петербург.
E-mail: paolacioni@gmail.com

P. Cioni. The Social-Democratic Criticism of the October Revolution: M. Gorky and «Novaya Zhizn»

***Abstract.** The article explores Maxim Gorky's attitude to the October Revolution in his articles in the «Novaya Zhizn» newspaper, and reviews articles by other editors. Such analysis irrefutably proves that the writer's position on this issue does not contradict the details of his biography, but, on the contrary, is a consistent development of his political thought.*

***Keywords:** M. Gorky, «New Life», October Revolution, N. Sukhanov, Stalin, Lenin, «Untimely Thoughts».*

Paola Cioni – Ph.D. in Russian history,
director of the Italian Institute of Culture (Saint Petersburg).
E-mail: paolacioni@gmail.com

«Несвоевременные мысли», представляющие собой цикл статей, объединенных общим, несомненно, ницшеанским¹ заглавием, были опубликованы Максимом Горьким в социал-демократической ежедневной газете «Новая жизнь», выходившей в драматический период истории России с весны 1917 до лета 1918 г., когда издание было закрыто по указу Ленина. Основанная и возглавленная самим писателем газета после упразднения Временным правительством царского комитета, отвечавшего за цензуру (постановление от 9 марта 1917 г.²), издавалась с 18 апреля (1 мая) 1917 г. с целью представить все демократические силы страны «влево от кадет и вправо от социалистических партий»³. Это была наиболее репрезентативная в отношении социалистических тенденций ежедневная газета с высочайшим тиражом. Н. Суханов, один из самых активных редакторов, в своих воспоминаниях рассказывает: *«Ее читали все. Главное же – ее читали рабочие массы. За небольшими исключениями, за скоро проходящими периодами тираж “Новой жизни” был максимальный из всех петербургских газет, не исключая ни самых старых, заслуженных и привычных, ни партийных, рассчитанных на широкое обязательное потребление. Российская общественность хорошо слышала голос “Новой жизни”. И многие десятки, а иногда и сотни тысяч ежедневных читателей, распределенных по разным партиям, <...> испытывали на себе ее влияние»* [19, с. 21].

С момента выхода первого номера до захвата власти большевиками «Новая жизнь» обращала беспощадную критику против Временного правительства, ратуя за выход России из войны и заключение мира без аннексий и контрибуций. Члены редакции полемизировали с кадетской «Речью», нападали на Временное правительство из-за «корниловщины», протестовали, добиваясь освобождения большевиков, арестованных после июльского восстания [15, с. 343]. Когда по соображениям цензуры были закрыты «Правда» и «Рабочий путь», «Новая жизнь» предоставила свои страницы большевикам⁴.

1. Речь идет о работе Ницше «Unzeitgemässe Betrachtungen», переведенной на русский язык как «Несвоевременные мысли».

2. За ним последовало постановление «О печати» от 27 апреля 1917 г., которым устанавливались правила для открытия новых газет и отменялась царская цензура. Закон о печати Временного правительства в отношении цензуры был самым либеральным за всю историю России до наших дней, при этом за несколько месяцев существования его положения, по сути, не соблюдались.

3. Писатель говорит о проекте открытия собственной ежедневной газеты «радикально-демократического направления» уже в письме от 14 января 1917 г. к Короленко [6, с. 102].

4. Среди сотрудников было много представителей большевиков. А. Луначарский, первый советский министр образования, после июльских событий вел свою рубрику в «Новой жизни».

Постоянные обвинения и критика вызвали соответствующую реакцию Временного правительства, которое 1 (14) сентября 1917 г. приостановило выход издания на неделю. За несколько дней до Октябрьской революции редакция газеты неожиданно поменяла направление. 18 (31) октября Горький, предупрежденный о решении большевиков организовать вооруженное восстание, чтобы остановить его, выступает со страниц газеты с глубоко критической статьей «Нельзя молчать».

Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» – иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3–5 июля. Значит – снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей <...> Одним словом – повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которая подорвала во всей стране моральное значение революции <...> Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов [1, с. 1].

Суровая критика Горького ставит под угрозу планы большевистского руководства, и на следующий день Троцкому на заседании Петроградского совета приходится опровергнуть слухи, распространившиеся после выхода статьи в «Новой жизни» [16, с. 345].

Убежденные в том, что революция для такой отсталой страны, как Россия, является преждевременной, члены редакции совершенно неожиданно обрушиваются на новое большевистское правительство, виновное, по их мнению, в приостановке процесса демократизации России. Революция для людей, собравшихся вокруг Горького, должна была стать заключительным актом длительного процесса, который мог быть завершен только после создания условий, необходимых для полного преобразования социально-политической и культурной панорамы страны. В условиях отсталости России, по мнению автора предисловия к итальянскому изданию книги «Несвоевременные мысли» Дж. Пачини, «они считали необходимым сотрудничество Советов с Временным правительством для того, чтобы продолжать движение по пути, открытому Февральской революцией, чтобы подготовить и организовать союз рабочих и крестьян, способствуя становлению их политического сознания ввиду трансформации российского общества» [22, с. 9].

После Октябрьской революции «Новая жизнь», продолжая называться «социал-демократической газетой», парадоксальным образом становится оппозиционной. Критика нового правительства Советов выглядит суровой и, можно сказать, необычной, особенно если учитывать политическую позицию сотрудников редакции, которым в последующие годы придется заплатить за эти восемь месяцев свободы мысли и печати ценой собственной жизни «в подвалах ГПУ и на архипелаге ГУЛАГ», замечает Суварине [21, с. 9]. Однако эта судьба минует Горького, который на страницах «Новой жизни» стал главным обвинителем большевиков. Об отношении Горького к режиму и о причинах того, что Горький мог свободно говорить о своем критическом настрое в месяцы, следовавшие за Октябрьской революцией, пишет Ж. Нива: «Именно Горький и один только Горький, неприкасаемый апостол социализма, борец против царизма, окруженный любовью миллионов, мог сказать в лицо новым господам, Ленину и Троцкому, то, что сказал. А говорил он, что русская интеллигенция не для того в течение столетия жертвовала собой, чтобы увидеть возрожденной цензуру» [23, с. 123].

Со страниц «Новой жизни» он говорил, однако, и многое другое. Это был не дневник и не хроника первого года революции, скорее, история прощания с иллюзиями, все возрастающего разочарования в революции, столь желанной, столь неожиданной и столь непохожей на то, какой она являлась самому, казалось бы, строгому научному предвидению. Ж. Нива справедливо указывает на огромную популярность писателя как на тот фактор, который гарантировал ему относительную политическую независимость. Дело не только в уважении, которым пользовался Горький как писатель и как деятель культуры, и которое могло обеспечить ему, в отличие от товарищей по редакции, личную безопасность. Главное в другом – столь резкая критика большевистского режима, публиковавшаяся в Петрограде в 1917–1918 гг. регулярно и в издании отнюдь не подпольном, вообще была бы невозможна, если не иметь в виду возрастающее значение средств массовой информации и новую роль, которую начинает играть в этом контексте личность человека с мировой известностью.

Человек, которым «гордится страна», необходим для обеспечения престижа государственного строя в глазах мирового общественного мнения. Когда это временно недостижимо, как в случае с Горьким, нужно не усугублять конфликт, чтобы не упустить возможность в будущем вернуть под свое знамя раскаявшегося отступника. В этом смысле политическая биография Горького и его непростые отношения с большевистскими лидерами представляют собой парадигму новой роли интеллектуалов в современную эпоху и, в частности, при современных тоталитарных режимах.

Политическая и публицистическая деятельность Горького в период издания «Несвоевременных мыслей» характеризуется глобальным неприятием

большевистского руководства революцией. В статьях писателя можно легко разглядеть антибольшевистскую позицию, понять его видение нового режима, причины, пусть временного, но все же отдаления от партии, неотделимой частью которой он себя считал, являясь в течение многих лет одним из основных ее финансовых поручителей. Именно это делает критику Горького особенно значимой.

Ограничение политической демократии в месяцы, последовавшие за Октябрем, – одна из главных причин негодования писателя и его коллег. Не случайно буквально через несколько дней после захвата власти большевиками Н. Суханов опубликовал в «Новой жизни» статью «Диктатура гражданина Ленина» [2, с. 1], а Горький через несколько недель напишет своей бывшей жене Екатерине Пешковой: «Мы здесь [в Петербурге] живем в плену большевиков. Житьишко невеселое и весьма раздражает, но – что же делать? Делать – нечего. Претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова [Ленина] претерпим» [14, с. 163].

Свертывание демократического развития России представлялось для Горького опасным по нескольким причинам: во-первых, со всей очевидностью развеивались вековые ожидания интеллигенции; во-вторых, не могло возникнуть предпосылок для интеллектуального и культурного роста масс, что было особенно чувствительным для Горького. Презрение к демократии не может означать презрения к народу: *«Я знаю, – сумасшедшим догматикам безразлично будущее народа, они смотрят на него как на материал для социальных опытов; я знаю, что для них недоступны те мысли и чувства, которые терзают душу всякого искреннего демократа»* [3, с. 1].

Конечно, послереволюционная демократия, которая подразумевала создание нового человека и высвобождение прежде невыраженного потенциала народа, была для Горького неким идеалом, окрашенным, скорее, в утопические тона, нежели основанным на рациональной политической стратегии. В конце концов нельзя списывать со счетов, что для интеллектуала проза реальности, наступающая после поэтической мечты, неизбежно запускает механизм разочарования. Однако было бы ошибочно сводить антибольшевистскую полемику писателя к некому романтическому компоненту, ставя Горького в один ряд с другими русскими интеллектуалами, разочаровавшимися в Октябрьской революции. Если правда то, что революция не могла привести к утопии, то правда и то, что путь, выбранный Лениным, был не единственно возможным, даже если утвердился именно он. Сразу после захвата власти большевиками Рыков, Ногин, Милютин и другие народные комиссары подали в отставку, требуя коалиции с другими социалистическими партиями. Каменев и Зиновьев, напротив, полагали, что неизбежно создание чисто большевистского правительства, основанного на методах политического террора. Горький, по словам Пачини [22, с. 13], мечтал о таком государственном

устройстве, которое поддерживали бы все демократические и социалистические течения.

Все условия действительности повелительно диктуют необходимость объединения демократии, для всякого разумного человека ясно, что только единство демократии позволит спасти революцию от полной гибели, поможет ей одолеть внутреннего врага и бороться с внешним. Но Советская власть этого не понимает, будучи занята исключительно делом собственного спасения от гибели, неизбежной для нее [9, с. 1].

Но очень скоро, когда пришло понимание стратегии Ленина, такой вариант покажется невозможным. 20 ноября Горький напишет, что Троцкий и сам Ленин «уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» [2, с. 1]. В той же статье антидемократические репрессии большевиков сравниваются с ошибками Министерства внутренних дел Николая II:

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов – все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин [там же].

Горький предостерегает рабочий класс от безумного и кровавого эксперимента по социальной инженерии, который, на его взгляд, Ленин проводит на «шкуре» пролетария. Его долг интеллектуала заставляет открыто говорить о всякой несправедливости, какой бы политической партией она ни была допущена. По его мнению, «право критики налагает обязанность беспощадно критиковать не только действия врагов, но и недостатки друзей» [8, с. 1] и, естественно, обличать совершенную жестокость.

Расстреляны шестеро юных студентов⁵, ни в чем не повинных, – это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей [10, с. 1].

Ленин и Троцкий, по мысли Горького, отдали Россию в руки некультурной, бессознательной и дезорганизованной массы. Отталкиваясь от таких

5. Здесь Горький говорит об убийстве шестерых юношей, обвиненных в заговоре против правительства.

размышлений, писатель доходит даже до призыва рабочих к восстанию против большевиков:

<...> Политически грамотный пролетариат должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству <...>

Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение <...> И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию: – Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесцельного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек [4, с. 1].

Идея о жестоком социальном эксперименте, начатом Лениным и означающем поражение пролетариата, настойчиво повторяется во всех статьях писателя, опубликованных в месяцы, последовавшие за революцией:

Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч <...> Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников – его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он – по книжкам – узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем – всего легче – разъярить ее инстинкты [там же].

В этих рассуждениях постоянно присутствует мысль, что правительство Ленина должно прийти к взрыву всех анархических элементов революции. Писатель искренне переживает за пролитую кровь и убийства, за тяжелое наследие насилия и угнетения, которые Горький считал характерными для царского режима. Кроме того, у него появляется убеждение, что все это ни к чему не приведет и провал ленинской стратегии очевиден. Среди множества причин этого неминуемого провала и вековой крестьянский вопрос, и безумная вера в осуществление пролетарской революции в стране, где 80% населения – крестьяне. Относительно роли крестьянства в революции негативизм Горького имеет двойственную природу: с одной стороны, идеологически и политически крестьяне стояли в оппозиции к интересам и образу мыслей рабочих; с другой – негативное отношение к русскому крестьянину у Горького носит антропологический характер.

Из этого материала – из деревенского темного и дряблого народа, – фантазеры и книжники хотят создать новое, социалистическое государство, – новое не только по формам, но и по существу, по духу [7, с. 1].

Среди наиболее ярко выраженных характеристик этого «темного и дряблого народа» можно назвать «свирепый собственнический индивидуализм, который неизбежно должен будет объявить жестокую войну социалистическим стремлениям рабочего класса» [7, с. 1]. Различие между бедными и богатыми крестьянами не имеет принципиального значения для Горького.

Я никогда не восхищался русской деревней и не могу восхищаться «деревенской беднотой», органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата [12, с. 1].

Приговор русским крестьянам связан не только со спецификой их класса, который, по мнению писателя, никогда не сможет понять интересов рабочего класса, в крестьянине сконцентрированы худшие стороны русского народа. Горький считал, что с крестьянством связан страх перед настоящим и навязчивая неуверенность в будущем. Кроме того, крестьяне несут историческую ответственность за прошлое, и это касается не только российской истории. «Парижскую коммуну зарезали крестьяне» [8, с. 1].

Кажется, что через несколько месяцев после революции русским рабочим остерегаться нужно было в основном крестьян. Для Горького реакционность и желание реставрации прежнего режима среди крестьянского класса имели автономный и самоопределяющий характер. В России 1917 г. неизбежно должна была повториться катастрофа Парижа 1871 г. Неточность пророчества не так важна в этом случае. Скорее, нужно подчеркнуть, что необходимость этапа утверждения буржуазии, который бы позволил, с одной стороны, консолидировать демократические учреждения, а с другой – частично пролетаризировать огромное крестьянское население, осознавалась Горьким с полной ясностью. Понятно, что в этом пункте он полностью расходился с Лениным, считавшим возможным в особой ситуации, сложившейся в России в 1917 г., перешагнуть этап становления буржуазии, о котором говорил Маркс. Чувства и интеллектуальные пристрастия писателя не заслоняют собой политический анализ и желание следовать своему гражданскому долгу, именно это дает страницам «Несвоевременных мыслей» неподвластную времени притягательную убедительность.

Статьи, написанные Горьким, представляют собой живое документальное свидетельство, необыкновенно полезное для воссоздания событий, последовавших непосредственно за революцией, но, кроме того, в них отражено беспокойство многих интеллектуалов после Октября. Естественно, писатель пользовался привилегированным положением, которое позволяло ему выражать свои мысли с открытостью, невероятной для других в тот период. В своей откровенности он был чрезвычайно последователен.

На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции» [1, с. 1].

За эти слова Горький получит персональное предупреждение от Сталина. Сталин сравнит его с перепуганными неврастениками, которые «дезертируют из рядов революции в черную рать Бурцевых – Сувориных» [17, с. 385], и предупредит, что революция превратит в ничто вершины и славу тех, кого она ничему не сможет научить.

Сложно утверждать, что Горький мог испугаться сталинских угроз, еще менее убедительным выглядит его объединение с черносотенцами. Писатель продолжал свою яростную критику и даже назвал большевиков «сектантами и фанатиками», «как для полоумного протопопа Аввакума, для них догмат выше человека» [5, с. 1].

С другой стороны, также несправедливо будет утверждать, что история Русской революции представляет собой хронику разбойничьих засад и уличного воровства. И, конечно, мы не должны искать в «Несвоевременных мыслях» размеренного политического рассуждения, учитывая сложившийся климат горячей полемики, о которой они свидетельствуют. Несмотря на эти ограничения, выводы, сделанные Горьким, поражают сегодня своей пророческой силой. Среди них можно назвать предчувствие того, что зарождающееся ленинское государство в противовес всем принципам интернационализма обретет свою «реальную политику» (*real-politik*), не слишком отличающуюся от прежнего самодержавного правления царя. В этом смысле значимо то, что пишет Горький о провале Учредительного Собрания:

5-го января 1918-го года безоружная петербургская демократия – рабочие, служащие – мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания. Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, – политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что мани-

фестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. [6, с. 1]⁶.

Даже из кратко представленных политических настроений Горького в решающие революционные годы становится понятно, что только влияние Сталина могло помочь ему вновь занять официальное место важнейшего социалистического и пролетарского писателя. Так или иначе, дни «Новой жизни» были сочтены. В конце февраля 1918 г. издание газеты было остановлено из-за статьи Н. Суханова, называвшего мир, заключенный в Брест-Литовске, капитуляцией. В первом номере после возобновления печати, редакторы жаловались:

Мы молчали 8 дней. Наше слово было слишком неприятно тем, кто совершает много ошибок и хочет их скрыть... Но ошибки остаются ошибками, даже когда о них не говорят. Нас обвиняют в оппозиции к советской власти. Да, пока существует «Новая жизнь», в России, к несчастью для нее, еще не было такого правительства, к которому мы не относились бы резко отрицательно. Нас закрывали Керенский с Пальчинским, когда Троцкий сидел в Петропавловке, а Ленин был в бегах. Нас закрыли Ленин с Троцким, когда Пальчинский сидит в Петропавловке, а Керенский – в бегах. Мы не обещаем быть всегда в оппозиции, мы не надеемся всегда быть предметом ненависти со стороны власть имущих. Ибо мы верим, что наступят лучшие дни и будет в России, наконец, создана такая власть, которая выведет страну на светлый путь к социализму и свободе [11, с. 1].

Приказ о закрытии был отозван благодаря вмешательству Горького, но снова возобновлен в июне 1918 г. еще примерно на неделю.

Первое распоряжение цензуры против «Новой жизни», постоянные нападки «Правды» в отношении писателя⁷ и все более тяжелая ситуация в стране, вероятно, заставляют Горького осознать, что всякое сопротивление в надежде изменить курс нового правительства Советов уже бесполезно.

6. Дата 9 января, указанная в заглавии статьи, относится к 1905 г., когда царские войска расстреляли толпу, вышедшую на мирную демонстрацию. В своей статье писатель проводит параллель между двумя событиями, чтобы подчеркнуть, что большевики действуют исходя из той же логики, что и царское правительство. Горький в своей статье пишет: «5 января 1918 расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, [...] трусливо, как настоящие убийцы».

7. В частности, его обвиняли в том, что он говорил о рабочем классе языком врагов.

С конца марта 1918 г. он медленно отдаляется от излишне критических настроений других редакторов «Новой жизни», хотя и продолжает возглавлять издание. Так, в письме бывшей жене Екатерине Пешковой он замечает: «Собираюсь работать с большевиками на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция» (письмо без даты, относится к концу марта 1918 г.) [14, с. 185]. Через несколько лет он объяснит это Р. Роллану так: «В начале 1918 г. я понял, что никакая другая власть в России невозможна, и что Ленин был единственным человеком, способным остановить неуправляемый процесс анархии и саморазрушения среди крестьян и солдат. Это не значит, что я полностью согласен с Лениным. Несколько лет подряд я резко критикую его за то, что его борьба против русского анархизма <...> приняла характер борьбы с культурой. Я объяснял ему, что, уничтожая русскую интеллигенцию, он лишает русский народ национального самосознания» [13, с. 132].

16 июля 1918 г. издание «Новой жизни» было окончательно остановлено по воле Ленина. При этом Горький в конце 1918 г. не отказался от публикации сборника статей, вышедших в газете под заглавием «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре»⁸. «Новая жизнь» и опубликованный Горьким сборник были помещены в советский спецхран, и только в 1990 г., за несколько месяцев до падения СССР, «Несвоевременные мысли» вышли в России, в издательстве «Советский писатель».

Библиография

1. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 18 (31) октября. № 156. С. 1.
2. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 7 (20) ноября. № 174. С. 1.
3. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 8 (21) ноября. № 75. С. 1.
4. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 10 (23) декабря. № 198. С. 1.
5. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 23 декабря (5 января 1918). № 209.
6. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918, 9 января (22 января). № 6. С. 1.
7. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 21 февраля (8 марта). № 47. С. 1.
8. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 22 февраля (8 марта). № 48. С. 1.
9. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 16 (3) марта. № 43. С. 1.
10. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 17 (4 марта). № 44. С. 1.

8. Книга вышла в 1918 г. в петроградском издательстве «Культура и свобода», еще одно издание на русском языке вышло в том же году в Берлине под заголовком «Революция и культура. Статьи за 1917».

11. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 2 (15 марта). № 32. С. 1.
12. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 9 апреля (27 марта). № 72. С. 1.
13. Архив А.М. Горького // М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1996. Т. 15. 544 с.
14. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. М.: Наука, 2010. Т. XII. 735 с.
15. Коростелев С.Г. Газета «Новая жизнь» (1917–1918) и цензурные условия в России после Февральской и Октябрьской революций // Революция 1917 года в России как серия заговоров. М.: Алгоритм, 2017. С. 339–350.
16. Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Время, 2012. 480 с.
17. Сталин И.В. Соч. М.: Гос. изд. политической литературы, 1954. Т. III. 708 с.
18. Суханов Н. Диктатура гражданина Ленина // Новая жизнь. 1917. 17 ноября. № 174. С. 1.
19. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Издательство Гржебина, 1921. Т. III. 165 с.
20. Cioni P. Un ateismo religioso dalla scuola di Capri allo stalinismo. Roma: Carocci, 2012. 159 p.
21. Gor'kij M. I pensieri intempestivi '17-'18 / Trad. P. Repetto. Introduzione B. Souvarin. Milano: Jaka Book, 1978. 315 p.
22. Gor'kij M. Considerazioni inattuali / Trad. e introduzione G. Pacini. Milano: Feltrinelli, 1980. 120 p.
23. Nivat G. Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne: L'Age d'homme, 1982. 485 p.

References

- Arhiv A.M. Gor'kogo // M. Gor'kij i R. Rollan. Perepiska (1916–1936). Moscow: Nasledie, 1996. Vol. 15. 544 p.
- Cioni P. Un ateismo religioso dalla scuola di Capri allo stalinismo. Roma: Carocci, 2012. 159 p.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 9 January (22 January). N 6. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 21 February (8 marta). N 47. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 22 February (8 marta). N 48. P. 1.
- Gor'kij M. I pensieri intempestivi '17-'18 / Trad. P. Repetto. Introduzione B. Souvarin Milano: Jaka Book, 1978. 315 p.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 10 (23) December. N 198. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 18 (31) October. N 156. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 23 December (5 January 1918). N 209. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 7 (20) November. N 174. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 8 (21) November. N 75. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 16 (3) March. N 43. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 2 (15 March). N 32. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 9 April (27 March). N 72. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 17 (4 March). N 44. P. 1.
- Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 24 vol. Moscow: Nauka, 2010. Vol. XII. 735 p.
- Gor'kij M. Considerazioni inattuali / Trad. e introduzione G. Pacini. Milano: Feltrinelli, 1980. 120 p.

Korostelev C.G. Gazeta «Novaja zhizn'» (1917–1918) i cenzurnye uslovija v Rossii posle Fevral'skoj i Oktjabr'skoj revoljucij // Revoljucija 1917 goda v Rossii kak serija zagovorov. Moscow: Algoritm, 2017. P. 339–350.

Medvedev P. Oni okružhali Stalina. Moscow: Vremja, 2012. 480 p.

Nivat G. Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne: L'Age d'homme, 1982. 485 p.

Stalin I.V. Soch. Moscow: Gos. izd. politicheskoy literatury, 1954. Vol. III. 708 p.

Suhanov N. Diktatura grazhdanina Lenina // Novaya zhizn. 1917. 17 November. N 174. P. 1.

Suhanov N.N. Zapiski o revoljucii. Moscow: Izdatel'stvo Grzhebina, 1921. Vol. III. 165 p.